

МИГРАЦИЯ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ

Рассматривается проблема миграции как социального явления, свойственного процессу глобализации, превратившей национальные социальные расслоения в части единой глобальной социальной структуры, обусловленной международным разделением труда. Делается вывод о том, что трудовая миграция, выступая формой проявления общественного противоречия, заложенного в способе общественного производства, создает внутреннюю напряженность для национальных систем капиталистических центров.

Ключевые слова и фразы: трудовая миграция, миграция, глобальная социальная структура, социальное противоречие, межэтническая напряженность.

Выход экономических связей за пределы национальных экономик произошел далеко не вчера и даже не в прошлом столетии, а длительность этого процесса определила глубину и характер разделения труда. Выйдя на международный уровень в качестве дифференциатора не видов промышленного производства, а разделителя социальных функций по организации и управлению совокупным общественным производством в интернациональном масштабе, международное разделение труда породило глобальную социальную структуру. *Масштаб, характер и специфика* такой структуры определяются соответственно *масштабом, характером и спецификой* международного разделения труда.

Масштаб международной социальной структуры определяется вовлеченностью национальных экономик в международную систему экономических связей. Чтобы в современных условиях считать социальную структуру некой нации, не входящей в глобальную социальную систему, такая страна должна жить либо натуральным хозяйством, либо не иметь торговых и финансовых связей с другими странами.

Характер международной социальной структуры определяется характером отношений между всеми людьми, вовлеченными в процесс производства и потребления. Если разделение общественных функций по поводу производства и потребления материальных и духовных благ в условиях современной глобализации имеет классовый характер, соответственно и международная социальная структура является *классовой*. Напоминаем, что классовый характер общественных отношений есть такая система воспроизводства социальных связей, при которой одни социальные группы (именуемые социальными классами) посредством владения средствами общественного производства материальных и духовных благ присваивают себе рабочую силу представителей других социальных слоев, не обладающих средствами общественного производства.

Специфика современной организации глобального общественного производства состоит в сложности структур управления и взаимодействия предприятий, их географической разбросанности, требующих вовлечения наемного труда совершенно разных управленческих и организационных профессий. То же касается и непосредственных исполнителей в разных сферах производства, именуемых иногда «голубыми воротничками». Многообразие профессий и трудовых функций определяет *разнородность социальных групп*, условно выделяемых по *видам деятельности и формам труда*, от чего во многом зависит доход их представителей.

Выше уже было сказано, что денежный доход в условиях капитализма определяет социальное положение людей: их возможности по созданию комфортных условий жизни, доступ к медицине, образованию, отдыху и т. п. В связи с этим современная социология оперирует понятием «социальная страта», условно *разделяя людей по уровню дохода*. При этом *происхождение дохода не учитывается*: это может быть наемный работник или рантье, частный предприниматель или игрок на бирже. Уровень страты может не соответствовать классовому положению, так, обладатель второй квартиры может позволить себе не работать, то есть является мелким рантье, но доход его будет кратно ниже менеджера среднего звена богатой компании, который является наемным работником. То есть стратификация позволяет рассмотреть общественную структуру в отвлеченности от классовых отношений, что важно для непредвзятости при выборе метода.

Имея своим основанием доход, социальные страты не могут быть устойчивыми, так как уровень дохода может весьма сильно колебаться даже в рамках одной профессии, не говоря уже о таких факторах, как карьерный рост, возраст, близость к руководству, сокращение, кризисы, перебои или внезапные скачки в объемах сделок и т. д., и т. п.

Само перемещение людей из страты в страту есть изменение их материального положения, что

именуется «социальной мобильностью». Человек в силу множества обстоятельств двигается по стратам, что вполне естественно для экономических отношений в целом: производство и потребление – процессы динамичные, изменяются потребности и возможности, а следовательно, и меняется общественное распределение как по отраслевому, так и по географическому признаку. Когда это происходило в рамках национальной экономики, это могло обострять социальные противоречия, заложенные в способе общественного производства, принимая различные формы. Участниками любых событий, являвшихся последствиями этих движений, выступали представители одной нации, то есть люди одной национальной культуры, как правило – одного вероисповедания, поэтому необходимость перемещения между стратами могла толковаться потребностями людей в обеспечении условий собственного существования. Например, человек стремится подняться на страту в связи с тем, что хочет более комфортной жизни своей семьи, и это здоровое желание. Однако кризисные явления в экономике могут оставить без работы людей или сократить их доход, переместив на страту ниже. И это печальное явление, в случае массового характера может вызывать общественное сочувствие, ведь независимо от материального положения люди видят себя детьми одной нации.

Совсем другое дело, когда социальная структура становится глобальной, тогда страты интернационализируются и движение между ними может означать перемещение из одной страны в другую. *Одна страта* может находиться в *различных национальных пространствах*, в то время как социальная структура одной нации состоит из множества социальных страт. Не нужен научный анализ, чтобы знать, что люди с похожим уровнем материальной обеспеченности имеются в странах совершенно разных регионах хозяйствования или, употребляя термин профессора Ю. И. Семенова, социоисторических организациях [1]. Среди представителей политической элиты стран, называемых в недавнем прошлом «странами третьего мира», имеются богачи, состоянию которых могут позавидовать совладельцы богатейших компаний, зарегистрированных в Западной Европе и США. Наоборот, в экономически развитых и социально благополучных странах всегда имеются слои, способные на свой доход только кормить семью, но не более того.

Стратификация как социальное межевание основывается на доходе и некоторых иных признаках общественного статуса. То есть отнесение к страте является результатом социального положения человека. Социальные группы, определяемые формами труда, также национально неоднородны,

а разные нации, в свою очередь, включают всех представителей таких групп. Представители наемного труда, относимые как к так называемым «голубым воротничкам», так и к «белым воротничкам», имеются среди всех наций. Более того, те, кого стало принято именовать «золотыми воротничками», то есть представителей менеджмента высшего звена, имеются и в бедных странах.

Таким образом, благосостояние одних и тех же *групп интернациональной социальной структуры*, выделяемых по форме труда, *зависит от национальных условий продажи рабочей силы*. Это создает, с одной стороны, *условия движения наемного работника* одной формы труда, а тем более одной профессии, туда, где его рабочая сила имеет большую цену, а наличие *разных страт внутри одной формы труда – потенциал такого движения*. Так, глобальная система общественных отношений создает в едином интернациональном поле социально-экономических связей основания к социальной мобильности, где переход в иную социальную группу означает смену национальной территории пребывания, и наоборот, когда смена страны проживания дает возможность изменить социальную страту. Такая социальная мобильность проявляется в *миграции*, обусловленной отношениями общественного производства, имеющей особенности в связи с исторически сложившейся спецификой международного разделения труда. Действительно, исторически «абсолютное большинство иммигрантов составляли наименее состоятельную экономически часть этноса государства-исхода, практически не получившую образование и воспитание на родине» [2].

С развитием информационных технологий, транспорта и связи стало легче преодолевать барьеры расстояния в мире, проще получать информацию о потребности рабочих рук или профессионалов конкретной специальности. Для населения многих периферийных стран нет проблемы коммуникации в развитых странах в связи с владением одним или несколькими иностранными языками, ставшим естественным наследием колониализма. Эти обстоятельства упрощают миграцию, но остаются барьеры культурного пространства, вероисповедания. Естественно, что иммигранту на первых порах требуется какая-либо помощь в культурной адаптации, которую в том или ином виде чаще всего он может найти в диаспоре, обеспечивающей мигранту «экзистенциальную стабильность на время адаптации в новой культурной среде, то есть исполнить роль “гипсовой повязки” для травмированной сменой идентификации личности» [3].

Не является само по себе проблемой наличие в любой стране людей иных традиций и религиозной принадлежности, однако когда «наличие» пе-

перерастает во «множество», перестает быть актуальной ассимиляция. Зачем менять культурную принадлежность, когда есть диаспора или крупная община, в которых можно найти повседневное общение, развлечения, где содействуют поиску работы, помогут с образованием детям и даже окажут материальную поддержку в непредвиденных обстоятельствах.

Возможность поддерживать собственную идентичность и общность за рубежом, с одной стороны, и потребность притока в страну пребывания мигрантов по тем же основаниям, по которым они появились в ней раньше – с другой, задают условия для появления устойчивых каналов миграции. Ярким примером появления и совершенствования таких каналов являются китайские диаспоры по всему миру: «Закрепившиеся в принимающих государствах зарубежные китайские диаспоры способны принимать нелегальных мигрантов, и зачастую они испытывают в них потребность как в источнике дешевого труда, который и обеспечивают им преступные группировки по нелегальным каналам» [4]. Такие каналы рождают отношения по поводу доступа к миграции, новые способы обогащения одной ее части за счет нуждаемости другой, что не может не играть существенной роли в формировании иерархических отношений внутри диаспоры.

Так, социальная мобильность в глобальной социальной структуре, превращаясь в миграцию, приобретает иную по отношению к себе форму существования и закономерности развития. Появляются новые общественные отношения по поводу принадлежности к диаспоре и способу миграции. Самостоятельно мигрировать – задача не из простых, так как связана с материальными затратами на проезд, проживание и содержание себя в первое время пребывания в чужой стране, поиск работы и т. д. Если человек мигрирует в поисках заработка, то, как правило, на все на это у него нет средств, и их придется занимать либо какое-то продолжительное время копить. Не каждый способен к такой самоорганизации, не ведая, насколько успешна будет его затея. Поэтому одним из вариантов является помощь тех, кто достанет билет, предоставит работу, кров и все, что необходимо для адаптации. Массовый характер такая помощь может приобретать на коммерческой основе, что и происходит. Цена рабочей силы в принимающей стране хоть и существенно выше, чем на родине мигранта, однако относительно местного уровня жизни она небольшая, а часто мигрант отправляет деньги своим родным, поэтому из заработанного трудно быстро рассчитаться со своими «добродетелями» и приходится это делать продолжительное время, попадая в определенного рода зависимость. Например,

одна из самых больших групп вьетнамской диаспоры в России представлена трудовыми мигрантами, являющимися рядовыми работниками производственных предприятий, которые организуют и содержат более состоятельные вьетнамцы и на которых эти работники проводят подавляющее большинство времени своего пребывания в России» [5]. Или «...например, из 7 тысяч рабочих, трудившихся в Камбодже на предприятиях с китайскими инвестициями, только 2 тысячи имели разрешение на работу, остальные работали нелегально» [6]. Те из мигрантов, кто не растягивает такой долг, предпочитая сразу заплатить за обозначенные услуги, все равно становятся клиентами этого бизнеса, обеспечивая выручку в кассе «контролеров» миграционных (легальных или нелегальных) потоков.

Возникновение социальной иерархии внутри диаспоры вносит в регулирование миграционного потока субъективную составляющую, а именно – волю наиболее влиятельной части диаспоры. Такое обстоятельство, при условии внушительной численности диаспоры, превращает контроль над миграционным потоком в политический инструмент, причем не столько в стране-экспортере рабочей силы, сколько в принимающем государстве. При этом такой контроль может осуществляться самой экспортирующей страной, что происходит, например, в Китае: «Одинок, выезжавших в поисках неквалифицированной работы, теперь в значительной мере заменили контрактные рабочие, набираемые центральными или местными государственными организациями» [7]. Это вносит специфику не только в международные экономические, но и политические отношения, особенно если в диаспоре сильно осознание принадлежности к этнической родине. Так, для отбывших китайцев характерно, что «для мест регулярного и значительного по объему исхода эмигрантов, их, так сказать, “родовых гнезд”, существует даже специальное название “цяосян” (букв. “эмигрантская деревня”, “родная земля эмигрантов”)... Специфические тесные связи эмигрантов с их “цяосян” служат предметом многочисленных исследований. Удачливые заморские земляки вносят существенный вклад в развитие родных мест, не только переводя деньги родственникам, но и создавая новые предприятия, спонсируя строительство больниц, школ и даже университетов» [7].

В результате на международной арене отношений возникают новые зависимости, в которых проявляются экономические и политические интересы диаспор. Например, китайские диаспоры в Юго-Восточной Азии имеют «значительные экономические рычаги лоббирования собственных интересов и, таким образом, зачастую оказываются достаточно крепко связаны с политическими силами. Спонсиро-

вание предвыборных кампаний, взятки, “откаты” – это только часть их инструментов влияния на политическую сферу. Более того, именно этнические китайские компании часто создают связку между бизнесом и политикой» [8]. Из двух сотен самых богатых людей мира 16 относятся к представителям китайской диаспоры в Юго-Восточной Азии [9].

В условиях могущества государства – экспортера мигрантов его контроль над миграционными потоками призван укреплять экономическое, а значит, и политическое влияние за рубежом. В случае с Китаем это именно так: «В целом можно заключить, что “новая” миграция привела к усилению позиций традиционной китайской диаспоры в странах проживания, а также укреплению их связей с КНР. При этом она не претерпела значительных изменений в своей структуре по сравнению с диаспорами в других странах, например в США или Австралии, однако и в ней произошло увеличение доли говорящих по-китайски и людей, идентифицирующих себя как этнических китайцев» [8]. Таким образом, эмиграция может выступать формой влияния одних национальных экономических систем на другие.

Однако большая часть стран-экспортеров рабочих рук не обладает таким могуществом и не занимает подобного Китаю места в международной политике за счет эмиграции. Для такой страны, как Франция, прославившейся на весь мир волнениями иммигрантов, основными источниками иностранцев являются страны Магриба. Прибывающее оттуда население по численности можно разделить на основные группы: «Алжирцы во Франции насчитывают свыше 1,5 млн человек... Они заняты во многих отраслях экономики, прежде всего в сельском хозяйстве и строительстве. Второй по величине североафриканской общиной являются марокканцы. Их насчитывается около 1 млн человек. Как и алжирцы, подавляющая часть марокканцев представлена неквалифицированными или низкоквалифицированными рабочими, занятыми в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, на уборке овощей и фруктов. Заметное место в этническом разнообразии Франции занимают тунисцы, диаспора которых насчитывает около 350 тысяч человек. Выходцы из Туниса задействованы в основном в сельском хозяйстве, торговле, рыбной и текстильной промышленности, в качестве обслуживающего персонала в отелях и в сфере доставки продовольствия» [2].

Обозначенные диаспоры не имеют за спиной такую мощную державу, как КНР, однако их численность по отношению к коренному населению велика и они представлены уже не одним поколением. Так, «во Франции из 61 млн населения 4,3 млн – иностранцы. В Швеции из 9 млн жителей

почти 2 млн – «лица с иностранным прошлым». 40 % новорожденных детей – дети иммигрантов» [10]. Их также объединяет принадлежность к вере, имеющей специфику в том, что «ислам исторически утверждался как религия большинства, в нем не заложен инструмент приспособления мусульманской уммы к роли группы меньшинства» [11]. С учетом всего этого уже невозможно не считаться не только с их наличием, но и с их интересами и правами, о которых они все чаще заявляют.

Тенденция проявления политической активности диаспор характерна не только для Западной Европы, но и для принимающих стран американского континента. Например, филиппинская диаспора в США, не имеющая могучей державы за спиной, благодаря своей численности уже имеет притязания на политическую власть, о чем свидетельствует высказывание координатора Национальной Федерации Ассоциаций Филиппинского происхождения (National Federation of Filipino American Associations): «...мы имеем высокий рейтинг натурализации и регистрации избирателей, но участие филиппинцев на выборах ничтожно мало. Мы не можем продолжать оставаться невидимками. Мы должны обозначить наше политическое присутствие в этой стране, усиливая наше гражданское участие во всех аспектах американской жизни» [12].

Независимо от стран происхождения и пребывания, массовая миграция, как форма социальной мобильности в глобальной социальной структуре, противостоит национальному государству в том его виде, в каком оно сложилось в начале XX столетия. Численность мигрантов, выражающая количественную сторону миграции как социального явления, на определенном этапе переходит в иное качество их существования и статуса на исторических территориях иных народов. Это неизбежно выливается во внутренние проблемы национальных систем: «...современные диаспоры, их ресурсы и организации представляют один из наиболее серьезных исторических вызовов государствам. В странах пребывания они формируют сети международной незаконной торговли наркотиками, создают террористические организации, вовлекаются в другие акции, которые нарушают национальный закон и внутреннюю стабильность» [3]. Анализируя происхождение и современное положение диаспор на территории ФРГ, исследователи приходят к выводу, что «...чем сильнее диаспора, тем большее влияние она оказывает на регулирование жизни своих членов и тем в большей степени она противопоставляет свою общину принимающему обществу ФРГ» [13]. Для обозначения влияния мигрантов на культуру принимающих наций некоторые авторы даже ввели понятие «этнопсихологическая маргинальность», под которым пони-

мают усвоение ценностей, норм и идеалов, не вызывающее личностного кризиса, но размывающее национальную идентичность [14].

Неудивительно, что подобные последствия миграций приводят к ответной реакции со стороны коренного населения стран-импортеров мигрантов. Доминик Видаль приводит в своей статье в газете «Дипломатический мир» данные опроса, проведенного в 2004 г. в Европе Национальным консультативным комитетом Франции по правам человека об отношении к религиям: к христианству отнеслись положительно 52 % и отрицательно 13 % европейских респондентов, к иудаизму соответственно – 30 и 20 %, к исламу – 23 и 66 % [15]. Общественное мнение в ФРГ настроено еще более негативно: «...когда в Германии в ходе опроса респондентов спросили, о чем они думают, когда слышат слово “ислам”, 93 % ответили: “угнетение женщин”, 83 % – “терроризм”, 82 % – “радикализм”. Прослеживается явный образ врага, созданный не без помощи средств массовой информации» [11]. Эта реакция рождает напряженность в обществе, когда в общественном сознании оценка социально-экономических трудностей происходит через призму этнического, расового и религиозного различия. Постепенно такой способ мышления становится общепринятым в силу своей доступности для умов, невооруженных научной методологией. Возникает напряженность, но ее объективная причина подменяется в сознании субъектов иными интерпретациями социальных проблем. Так происходит *превращение* проявлений общественного противоречия, вызванного природой капитала, в такую его форму, которая скрывает действительность его содержания. В данном случае такой превращенной формой является миграция.

Глобализация социальной структуры сделала межклассовые противоречия *внешним* проявлением для национального государства, оградив тем самым правящий класс от забот по урегулированию социальной напряженности на этом основании внутри развитых стран. *Внешнее противоречие* для системы *не является основанием к развитию*, в связи с чем о классовых антагонизмах забыли, представляя передовые страны государствами всеобщего благоденствия. Однако объективное противоречие при наличии оснований так или иначе найдет себе выход если не в прямой, то в иной – превращенной форме. Одной из таких форм явилась *миграция* населения, которая будучи порожденной объективными, но *внешними по отношению к нации* социально-экономическими противоречиями транснациональных социально-экономических отношений, *создала внутреннюю напряженность* для национальных систем капиталистических центров. Иначе говоря, миграция актуализировала основное капиталистическое противоречие в национальном поле, сделав его опять внутренним для передовых капиталистических стран. Для социально-философского анализа международные общественно-экономические взаимодействия следует рассматривать как единую закрытую систему связей, в которой миграция выступает формой проявления основного капиталистического противоречия.

Таким образом, социальное противоречие, обусловленное способом общественного производства, рождая миграцию как свою превращенную форму, трансформирует напряженности классового характера в межэтнические, межрелигиозные и политические конфликты внутри развитых стран Европы и Америки.

Список литературы

1. Семенов Ю. И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. М.: Старый сад, 1999.
2. Хрусталева И. М. Этническое предпринимательство мусульманских диаспор в странах Западной Европы // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 188–191.
3. Аносова Т. Ф., Кирилук С. С. Диаспора – оптимальная форма адаптации мигрантов // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2005. Т. 7. № 1. С. 60–68.
4. Анохина Е. С. Нелегальная китайская миграция в современном мире // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 359. С. 66–69.
5. Чесноков А. С. Вьетнамская диаспора в России: история и современность // Известия Уральского федерального ун-та. 2009. Т. 69. № 3. С. 40–46.
6. Zhuang Guotu. Lun Zhongguo ren yimin dongnanya de si ci dachao (Размышления о четырех волнах китайской эмиграции в Юго-Восточную Азию) // Nanyang wenti yanjiu. 2008. № 1. P. 73–81.
7. Ларин А. Г. Роль китайской диаспоры в развитии экономики Китая // Российский внешнеэкономический вестник. 2006. № 2. С. 28–36.
8. Анохина Е. С. Китайские диаспоры и «новая» китайская диаспора в странах Юго-Восточной Азии // Вестн. Томского гос. ун-та. 2012. № 361. С. 62–65.
9. South-East Asia's Chinese // BBC. 29.08.2001. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/1514916.stm>
10. Соколов А. Н. Миграция и национальная безопасность // Правоохранительные органы стран Балтийского региона в борьбе с преступлениями в рамках закона о гражданстве. Материалы междунар. научно-практ. конф. КЮИ МВД России, 2005. С. 4–10.
11. Наумкин В. В. Мусульманская диаспора на Западе: дифференциация, конвергенция, гибридизация? // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 23. С. 4–14.

12. New America Media. Filipino to Be Listed as Own Category in Census 2010. URL: http://news.newamericamedia.org/news/view_article.html?article_id=95f1fd65c7b560b53716f2aefad0d668
13. Чичкова Е. Н., Семенов О. Ю. Влияние диаспор на разработку и осуществление германской иммиграционной политики // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 294–300.
14. Шабанов Л. В., Лапшин В. В. Пара «толерантность – интолерантность» как регулятор взаимоотношений этнических субкультур // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2009. Вып. 2 (80). С. 100–104.
15. Vidal D. Quand Jean Christophe Rufin prône le délit d'opinion. Le Monde diplomatique, 21 Octobre 2004.

Рыжков Д. Л., кандидат философских наук, доцент.

Московский государственный горный университет.

Ленинский пр., 6, Москва, Россия, 119991.

E-mail: ryzhkovdl@mail.ru

Материал поступил в редакцию 11.02.2013.

D. L. Ryzhkov

MIGRATION AS A FORM OF SOCIAL MOBILITY IN THE GLOBAL SOCIAL STRUCTURE

The article considers the issue of global migration as a social phenomena specific for the process of globalization that transformed national social stratifications into parts of unique global social structure eligible by international differentiation of labour. The conclusion is that labour migration as a form of social contradiction stipulated by way of social production creates internal tension for national systems of capitalistic centres.

Key words: *labour migration, migration, global social structure, social contradiction, interethnic tension.*

Moscow State Institute of Mines.

Leninskiy pr., 6, Moscow, Russia, 119991.

E-mail: ryzhkovdl@mail.ru